

Основные тенденции развития миграционной ситуации в Республике Крым в период 2014–2021 гг.

Михеева Н. М.^{1,2,*}, Богатуров Д. С.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления), Санкт-Петербург, Россия

*e-mail: n.miheeva@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-4266-1926

РЕФЕРАТ

В статье анализируются основные изменения миграционной ситуации в Республике Крым после вхождения в состав России и до конца 2021 г. Миграционная ситуация в Севастополе не рассматривается, так как имеет свои специфические особенности, требующие отдельного исследования. **Цель.** Выявить наиболее важные тенденции в изменениях миграционной ситуации в Республике Крым после вхождения в состав России в период с 2014 г. по 2021 г. **Методология.** Применение статистического и системно-структурного методов позволило выявить основные тенденции в изменении миграционной ситуации в Республике Крым. Сравнительно-географический метод позволил определить основные направления потоков внешней и внутренней миграции. **Результаты.** Для Республики Крым характерно положительное сальдо миграции, что является традиционным для данного региона. Миграционный приток в рассматриваемый период компенсировал значительную часть естественной убыли населения полуострова. Сократилась доля мигрантов с Украины, что вызвано осложнением политической ситуации. Значимо возросла миграция из стран постсоветского пространства — Казахстана и Узбекистана. Намечалась тенденция к увеличению межрегиональной миграции не только за счет соседних субъектов РФ (Краснодарского края, Ростовской и Воронежской областей), но и Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельской области и ряда других регионов РФ. Во внутрирегиональных миграциях наблюдалось перемещение населения из северных районов на юг и юго-восток полуострова. **Выводы.** Среди основных тенденций внешних миграций в Республике Крым в период с 2014 г. по 2021 г. стоит отметить увеличение доли конечных мигрантов из регионов РФ, в том числе возвращение крымчан, получивших российское гражданство после распада СССР и проживающих в России. Притоку временных мигрантов способствовала реализация крупных федеральных целевых программ на полуострове. Характерной чертой стало увеличение миграционного оттока из Республики Крым, преимущественно молодежи, в крупные российские города. Ограниченный потенциал роста уровня социально-экономического развития ряда территорий полуострова и проблемы, связанные с транспортной инфраструктурой, повлияли на изменение географии расселения как внешних, так и внутрирегиональных мигрантов. Кардинальные изменения в геополитическом и геоэкономическом положении Республики Крым оказали значимое влияние на трансформацию миграционной ситуации, при этом традиционные тенденции, связанные с миграционной привлекательностью территории, сохранились.

Ключевые слова: Республика Крым, численность населения, миграционное сальдо, миграционный приток, миграционная ситуация, межрегиональная миграция, внутрирегиональная миграция, международная миграция

Для цитирования: Михеева Н. М., Богатуров Д. С. Основные тенденции развития миграционной ситуации в Республике Крым в период 2014–2021 гг. // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 2. С. 144–156. EDN: JEVGCU

Main Trends in the Development of the Migration Situation in the Republic of Crimea in the Period 2014–2021

Natalia M. Miheeva^{a,b,*}, Dmitry S. Bogaturov^a

^a St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

^b Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint Petersburg, Russia

* e-mail: n.miheeva@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-4266-1926

ABSTRACT

The article analyzes the most basic changes in the migration situation in the Republic of Crimea after joining Russia and until the end of 2021. The migration situation in Sevastopol is not considered, because it has its own specific features that require a separate study. **Aim.** Aim to identify the most important trends in changes in the migration situation in the Republic of Crimea, after joining Russia, in the period from 2014 to 2021. **Methods.** The use of statistical and system-structural methods made it possible to identify the main trends in the change in the migration situation in the Republic of Crimea. The comparative-geographical method made it possible to determine the main directions of flows of external and internal migrants. **Results.** The Republic of Crimea is characterized by a positive balance of migration, which is traditional for this region. The migration influx of migrants in the period under review compensated for a significant part of the natural decline in the population of the peninsula. The share of migrants from Ukraine has decreased, which is caused by the complication of the political situation. Migration from the post-Soviet countries: Kazakhstan and Uzbekistan has increased significantly. There is a trend towards an increase in interregional migration not only at the expense of neighboring subjects of the Russian Federation (Krasnodar Territory, Rostov and Voronezh regions), but also Moscow, St. Petersburg, Arkhangelsk Region and a number of other regions of the Russian Federation. In intraregional migrations, there was a movement of the population from the northern regions to the south and south-east of the peninsula. **Conclusions.** Among the main trends in external migration in the Republic of Crimea in the period from 2014 to 2021, it is worth noting: an increase in the share of final migrants from the regions of the Russian Federation, including the return of Crimeans who received Russian citizenship after the collapse of the USSR and live in Russia. The influx of temporary migrants was facilitated by the implementation of major federal targeted programs on the peninsula. A characteristic feature was the increase in the migration outflow from the Republic of Crimea, mainly young people, to large Russian cities. Limited potential for growth in the level of socio-economic development of a number of territories of the peninsula; Problems related to transport infrastructure have affected the change in the geography of settlement of both external and intraregional migrants. Fundamental changes in the geopolitical and geo-economic position of the Republic of Crimea have had a significant impact on the transformation of the migration situation, while the traditional trends associated with the migration attractiveness of the territory have been preserved.

Keywords: Republic of Crimea, population, migration balance, migration inflow, migration situation, interregional migration, intraregional migration, international migration

For citation: Miheeva N. M., Bogaturov D. S. Main Trends in the Development of the Migration Situation in the Republic of Crimea in the Period 2014–2021 // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 144–156. (In Russ.). EDN: JEVGCU

Введение

Миграционная ситуация в Крыму после вхождения в 2014 г. в состав Российской Федерации вызывает большой интерес как у специалистов, занимающихся проблемами народонаселения страны, так и у широкой общественности. Данная тема стала популярной у зарубежных авторов, которые нередко интерпретируют особенности миграционной ситуации в Крыму в угоду определенным политическим мнениям. В этой связи представляется актуальным обратиться к анализу официальных статистических данных по народонаселению Республики Крым и проанализировать миграционную ситуацию на полуострове после вхождения в состав РФ. Представляют интерес новые тенденции внешних миграций, связанных с изменением политического статуса полуострова, новые черты во внутрирегиональных миграциях, на которые значимое влияние оказала транспортная изоляция Крыма со стороны Украины и реализация крупных инфраструктурных проектов в Республике Крым как в новом субъекте РФ. Миграционная ситуация в Республике Крым наглядно отражает изменения геополитического и геоэкономического положения, новые тренды развития территории.

Цель данного исследования — выявить наиболее важные тенденции в изменениях миграционной ситуации в Республике Крым после вхождения в состав России и до начала специальной военной операции в 2022 г. Оценка ситуации в Севастополе авторами не рассматривается, так как имеет свои специфические особенности, требующие отдельного исследования. В работе анализируется только конечная миграция, т. е. за пределами исследования остаются все туристические потоки и приезд специалистов для выполнения временных работ. Не рассматриваются также потоки студентов, приезжающих и выезжающих для получения высшего образования в вузах.

Степень разработанности темы

Большое количество работ посвящено анализу волн миграций и влиянию общих принципов переселенческих политик в Российской империи и СССР на миграционную ситуацию на полуострове. Очевидно, что разнообразие этноконфессионального состава населения Крыма во многом сформировалось и изменялось под влиянием политических решений, реализуемых правительствами российского/советского государства. Не последнюю роль в формировании разнообразных этноконфессиональных групп в Крыму сыграла близость таких полиэтничных территорий, как Украина, Краснодарский край, Греция, Турция. Одним из крупнейших исследований, посвященных данной проблематике, является монография Я. Е. Водарского, О. И. Елисеева и В. М. Кабузана «Население Крыма в конце XVII — конце XX века: численность, размещение, этнический состав» [5]. Особенности формирования народонаселения Крыма посвящены работы В. Б. Жиромской, Н. А. Араловец, А. В. Белова, А. Р. Никифорова, опубликованные в двухтомной коллективной монографии, посвященной истории полуострова [9]. Проблемы этнической структуры населения полуострова и особенности миграций рассматриваются в работах А. С. Петроградской и С. Н. Киселева, В. В. Степанова, В. Ю. Зорина, Р. Вышневого [10; 18; 23]. Ряд авторов большое внимание уделяет проблемам татарского населения полуострова [21; 22; 25]. Особенности идентичности населения Крыма посвящена работа З. Р. Гапизова, Н. И. Харитоновой [5]. Несмотря на разнообразие тем, посвященных миграциям, проблемам современного состояния миграционной ситуации уделяется незначительное внимание. Можно отметить исследования С. И. Абылкаликова и П. Е. Сушко [1], М. Л. Яковенко и И. Ю. Кошель [19], в которых прослеживается динамика миграционных процессов на полуострове. Отдельные аспекты миграционной ситуации на полуострове отражены в работах О. Ю. Асеевой, Е. В. Гросфельд, Т. Ю. Гусакова, М. С. Дихтемирова, Д. А. Маминой, Д. Н. Мищенко, М. В. Намхановой, Н. С. Сахновой, Г. В. Сазоновой, Е. В. Страшко, Т. В. Шкайдеровой, А. Б. Швеца [2; 7; 8; 11; 15; 17]. Одной из последних работ по изменениям в миграционной ситуации в Республике Крым является статья Л. А. Ожеговой, Г. В. Сазоновой и К. Ю. Сикача [13]. Пространственно-временные особенности миграции в Крыму, охватывающих период с 2000 г. по 2016 г., нашли свое отражение в «Атласе социокультурных процессов в Крыму», подготовленном коллективом авторов из Крымского федерального университета [3] и монографии «Социокультурная трансформация регионального развития Крыма» [14].

В работах зарубежных авторов оценка миграционных процессов носит явно политизированный характер, основной акцент делается на ухудшении геополитической ситуации в регионе Северного Причерноморья и сильном влиянии российских властных структур на ситуацию. В качестве примера можно привести работы М. Рабинович (Rabinovych M.) и А. Пинч (Pintsch A.) [23], С. Райтона (Wrighton S.) [25] и Э. Кнотт (Knott E.) [22].

Методы и методика исследования

Информационной базой для работы послужили статистические и аналитические ресурсы Управления Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю (Крымстат)¹, итоги переписи населения в Крымском федеральном округе в 2014 г., статистические ежегодники Республики Крым и ряд других аналитических материалов, опубликованных на сайте Крымстат. Стоит отметить, что после присоединения Крыма к РФ изменилась система учета перемещений. Регистрация прибывших по новому месту жительства по новым правилам началась с июня 2014 г., а регистрация выбывших — с июля. Некоторые авторы отмечают, что в официально опубликованных данных наблюдается значительный пробел сведений о числе выбывших и прибывших в период марта–июля 2014 г. [13]. В распоряжении исследователей имеется немного надежных источников статистической информации о миграции.

Применение статистического и системно-структурного методов позволило выявить основные тенденции в изменении миграционной ситуации в Республике Крым. Сравнительно-географический метод позволил определить основные направления потоков внешних и внутренних мигрантов. Для анализа миграционной ситуации авторами использовались материалы, полученные в ходе студенческих практик, проводимых в Крыму кафедрой региональной политики и политической географии СПбГУ в период 2015–2019 гг. Хронологические рамки исследования ограничены 2014 г. — годом возвращения Республики Крым и Севастополя в состав России — и концом 2021 г. После 2014 г. очевидным образом изменились география и динамика миграционных потоков на полуострове из-за целого комплекса факторов. Начало Специальной военной операции в феврале 2022 г. создало принципиально иную геополитическую ситуацию, связанную с тем, что Крым оказался в непосредственной близости к театру военных действий. Резко возросли угрозы противоправных действий, было полностью прекращено гражданское авиационное сообщение с полуостровом, обострился ряд других проблем, связанных с безопасностью. Это ожидаемо привело к значимым изменениям миграционных потоков и миграционной ситуации на полуострове. В этой связи анализ миграционной ситуации в Республике Крым в период с 2022 г. требует отдельного исследования.

Результаты

Характерные черты миграции на полуострове Крым

Благодаря переписям, проводимым в Российской империи и СССР, можно проследить общую тенденцию на протяжении нескольких веков, характерную для полуострова: увеличение доли населения, приехавшего в Крым на постоянное место жительства (пожизненные мигранты). Несмотря на некоторые различия фиксируемых данных в различные годы, можно отметить, что в 1897 г. в Таврической губернии (включающей кроме территории самого Крыма части Запорожской и Херсонской областей) проживало 8,4% родившихся в других регионах Российской империи и за рубежом, в 1926 г. — 22,7% (данные по Крымской АССР) [10], в 1989 г. — 57,0%². Очевидно, что именно в советский период значительно возросла доля некоренных жителей, проживающих на полуострове. Во многом это связано

¹ Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю (Крымстат) [Электронный ресурс]. URL: <https://82.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 20.02.2025).

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. М. : Госкомстат СССР, 1990. С. 156–159.

с так называемыми кампаниями организованного переселения в Крым: в 1944–1953 гг., после Великой Отечественной войны, и начиная с 1954 г. до конца 1970-х гг., когда существовал так называемый оргнабор на работу в Крым и большая часть трудовых мигрантов переезжала на полуостров с Украины [11]. С. И. Абылкаликов и П. Е. Сушко отмечают, что «анализ переписи 1989 г. позволяет утверждать, что приехавших пожизненных мигрантов было почти в три раза больше, чем уехавших» [1, с. 57]. Наиболее «тесные миграционные контакты были у полуострова с соседними территориями Краснодарского края, Брянской, Воронежской и Курской областей РСФСР, а также областями УССР: Винницкой, Сумской, Донецкой и Херсонской. Много переселенцев было из Казахской и Узбекской ССР» [10, с. 58]. Система расселения на полуострове во времена СССР сложилась с учетом потребностей размещения производительных сил и особенностей агроклиматических условий. Направление потоков регулировалось государством, исходя из задач плановой экономики.

В постсоветский период Крым был привлекательным регионом для проживания на фоне большинства регионов Украины. Отток населения на полуострове наблюдался лишь в 1990-е гг. Республика традиционно занимала второе место по миграционной привлекательности для жителей Украины, уступая лишь Киеву [9; 19]. Уже в 2000-е гг. миграционный приток смог компенсировать значительную часть естественной убыли населения. Естественная убыль в тот период в среднем составляла –4,8%, миграционный прирост +3,8%. Безусловно, для переезда в регион существовала весомая мотивация (речь идет о переезде на постоянное место жительства) — работа или желание улучшить климатические условия своего проживания. Власти Украины поддерживали миграцию. В частности, ряд законов был направлен на активизацию частной предпринимательской деятельности, предоставление земельных участков (например, под индивидуальное жилищное строительство) на льготных условиях, с возможностью последующей приватизации¹ [16]. Население полуострова в этот период формировалось за счет внутриукраинских перемещений и репатриации крымско-татарского населения [20]. В период с 1989 г. по 2001 г. численность крымских татар на полуострове возросла с 38 тыс. чел. до 245 тыс. чел. [16, с. 145]. Большая их часть после возвращения из Центральной Азии вынужденно расселилась в сельских населенных пунктах. На сегодняшний день значимая часть крымских татар проживает в Симферополе (более 28 тыс. чел., что составляет около половины всего городского крымско-татарского населения). Наибольшая концентрация русских наблюдается в больших городах республики, таких как Симферополь, Керчь, Ялта, Феодосия, Судак, Евпатория [4]. Внешняя миграция за постсоветский период в целом сыграла значительно меньшую роль в формировании современного населения Крыма, чем это было в предыдущие исторические этапы (рис. 1).

Миграционные тенденции в Республике Крым после 2014 г.

По официальным данным Крымстата, с 2014 г. по июль 2021 г. чистый миграционный приток в Республике Крым составил 192 498 чел. При этом международная миграция (не с территории РФ) оказала важное влияние на миграционный прирост. В 2014 г. она составила 39% от общего миграционного прироста, в 2017 г. — 29%, 2018 г. — 26%. Больше всего мигрантов прибыло в Крым из Украины, Узбекистана, Казахстана.

Важно отметить, что положительное сальдо миграции по Крыму в целом превысило показатель в 134 тыс. чел. за период 2018–2021 гг. При этом наиболее высокий механический прирост наблюдался в первые три года после присоединения полуострова к России. За указанный период положительное сальдо миграции позволило на 60% перекрыть естественную убыль населения в регионе [7].

На сегодняшний день *межрегиональная миграция* (из субъектов РФ) играет существенную роль в миграционном приросте населения Крыма. На 2014 г. пришелся первый большой наплыв межрегиональных мигрантов (+8943 чел.). В дальнейшем приток межрегиональных мигрантов оставался стабильным и имел тенденцию к постепенному увеличению: в 2015 г. (+14 644 чел.), 2016 г. (+16 386 чел.) и т. д. (см. рис. 2). С 2014 г. было зафиксировано положительное сальдо миграций

¹ Alikin A. Russia: Migration Helping to 'Russify' Crimea [Электронный ресурс] // EurasiaNet, Jan 27, 2017. URL: <https://eurasianet.org/russia-migration-helping-to-russify-crimea> (дата обращения: 15.05.2025).

в Симферопольском, Бахчисарайском, Белогорском, Кировском и Ленинском районах и городских округах: Керчь (+1286 чел.), Симферополь (+1136 чел.), Судак, Алушта, Феодосия, Ялта, Евпатория (+905 чел.) [3]. Для конечных мигрантов стали привлекательными традиционные рекреационные места (Ялта, Судак, Алушка, Евпатория), а также населенные пункты, транспортно связанные с Таманским полуостровом, особенно Керчь и Феодосия. «Отток населения был характерен для северных районов: Краснопереконского, Советского, Первомайского, Джанкойского, Нижнегорского. Для последних трех районов был характерен низкий миграционный прирост и в предыдущий период 1990–2000 гг.» [3, с. 57], а после 2014 г. он стал отрицательным. Эксперты связывают это с «тупиковым» географическим положением районов, проблемами нехватки воды после перекрытия Северо-Крымского канала Украиной, ростом цен на продукты и ухудшением экологических показателей¹. Как и во все предыдущие периоды, за счет конечных мигрантов росли преимущественно города [15]. Исключением является г. Саки, где начиная с 1998 г. наблюдается отток населения (в среднем 2,8% в год)², что связано с закрытием градообразующего предприятия «Сакский химический завод имени 50-летия Советской Украины» и ухудшением экологической ситуации.

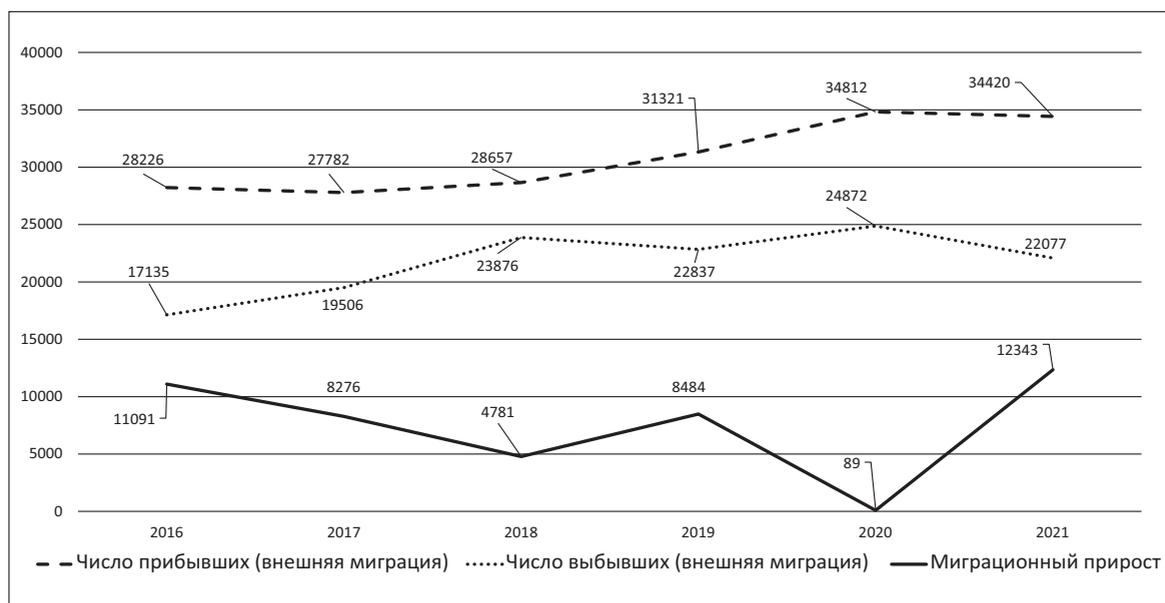

Рис. 1. Внешняя миграция 2016–2021 гг.

Fig. 1. External migration 2016–2021

Источник: составлено авторами по данным статистических ежегодников Республики Крым³

Первые годы после присоединения Крыма продемонстрировали высокий интерес граждан России к полуострову. Важным шагом для смены места жительства стали возможности приобретения недвижимости. Так, анализ рынка недвижимости в Крыму за исследуемый период показывает, что многие жители Москвы, Санкт-Петербурга и Московской области приобретали недвижимость в регионе. Около 60% покупателей приобретали жилье для переезда в Крым. Приблизительно 30% покупателей из других регионов приобретали недвижимость с целью вложения средств на будущее⁴.

¹ Мащенко А. Как изменится Крым после освобождения южных регионов Украины [Электронный ресурс] // Парламентская газета. 23.07.2022. URL: <https://www.pnp.ru/politics/kak-izmenitsya-krym-posle-osvobozhdeniya-yuzhnykh-regionov-ukrainy.html> (дата обращения: 20.02.2025).

² Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю (Крымстат) [Электронный ресурс]. URL: <https://82.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 20.02.2025).

³ Статистический ежегодник. Республика Крым. 2020 : стат. сб. / Крымстат. Симферополь, 2021. 383 с.; Статистический ежегодник Республики Крым. 2022 : стат. сб. / Крымстат. Симферополь, 2023. 378 с.

⁴ Подсчитано по полевым материалам, полученным в ходе студенческих практик в период 2015–2019 гг.

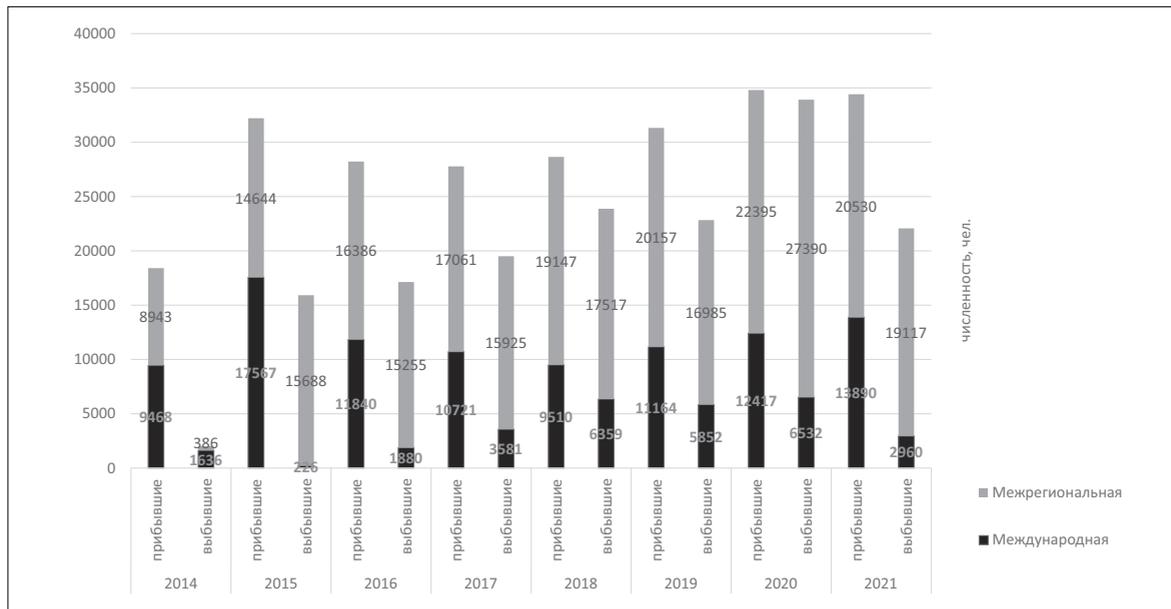

Рис. 2. Направление внешних миграционных потоков¹

Fig. 2. Direction of external migration flows

Источник: составлено авторами по данным статистических ежегодников Республики Крым²

Обсуждение

Факторы, оказывающие влияние на миграционные процессы в Республике Крым в период с 2014 г. по 2021 г.

Интерес мигрантов из регионов РФ. При анализе роли миграции важно учитывать такой показатель, как структура населения региона по месту его рождения. Сравнение данных переписей населения Крыма на 1989 г. и на 2014 г. позволяет выявить важные изменения. Так, в 1989 г. 667 тыс. крымчан являлись уроженцами РСФСР (26% от всего населения полуострова). В 2014 г. перепись выявила лишь «340 тыс. жителей, местом рождения которых была территория современной России (лишь 15% от всего населения)» [1, с. 58]. На момент присоединения Крыма значимая часть населения, постоянно проживавшая на полуострове, была родом из соседних областей Украины. После присоединения полуострова к России доля постоянного и наличного населения с российскими корнями увеличилась (на конец 2020 г. — 23,3%)³.

По данным Крымстата, на 2020 г. общая численность населения, постоянно проживавшего в Республике Крым, составила 1 934 630 чел., из них 1 135 354 чел. родились в республике. Местом рождения другие субъекты РФ указали 451 456 чел. — это межрегиональные мигранты (23,3%). Больше всего межрегиональных мигрантов родом из Краснодарского края (10 992 чел.), Курской (4499 чел.), Брянской (4361 чел.) и Кемеровской областей (4442 чел.). При этом значимое количество уроженцев соседних областей не удивляет, а вот показатели Кемеровской области привлекают внимание. Значимое количество приехало из Москвы и Московской области (3847 чел. и 3609 чел. соответственно), из Санкт-Петербурга значительно меньше — 2036 чел. Отдельную категорию постоянных мигрантов составля-

¹ Регистрация / снятие с регистрации места проживания в Республике Крым в апреле и мае 2014 г. миграционной службой не проводилась. Число выбывших мигрантов с июля по декабрь 2014 г. фиксировалось без учета выбывших в субъекты Российской Федерации.

² Статистический ежегодник. Республика Крым. 2020 : стат. сб. / Крымстат. Симферополь, 2021. 383 с.; Статистический ежегодник Республики Крым. 2022 : стат. сб. / Крымстат. Симферополь, 2023. 378 с.

³ Подсчитано авторами по данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю (Крымстат) [Электронный ресурс]. URL: <https://82.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 20.02.2025).

ют жители северных регионов России: Красноярского края (3399 чел.) и Архангельской области вместе с Ненецким автономным округом (2285 чел.). Полуостров представляет хорошую альтернативу таким традиционным регионам миграции северян, как Краснодарский край или Белгородская область. Много живет в республике выходцев из Воронежской (3152 чел.), Орловской (2494 чел.) и Новосибирской (3479 чел.) областей. Доля международных мигрантов, постоянно проживающих в Республике Крым, составляет 17% (344 512 чел.). Больше всего прибыло из Казахстана (16 593 чел.), Украины (162 226 чел.), Узбекистана (128 692 чел.), Беларуси (9460 чел.). Из государств дальнего зарубежья значимое количество мигрантов отмечается лишь из Германии (1519 чел.). События начала 2022 г. значительно скорректировали миграционную ситуацию в сторону сокращения всех потоков мигрантов. Очевидно, что в дальнейшем это отразится на статистике.

В исследуемый период многие потенциальные мигранты, ориентированные на переселение в Крым, занимали выжидательную позицию. Проблемы с водой, электроэнергией и другие инфраструктурные проблемы региона выступали в роли сдерживающих факторов. Очевидно, что для большинства граждан постсоветского пространства (за исключением россиян) статус Крыма представлялся неопределенным, что также сказалось на миграции.

Возвращение крымчан на полуостров. Положительное миграционное сальдо региона после 2014 г. поддерживали в том числе бывшие крымчане, получившие российское гражданство после распада СССР и ныне проживающие в России [8; 10]. В новых условиях многие из них были готовы вернуться на историческую родину. Это же касается крымчан, получивших гражданство государств за пределами РФ. Мониторинг, проведенный авторами работы, показал, что значительная часть переселенцев из Крыма в тот период готова была вернуться на прежнее место жительства. Правда, существовала и противоположная тенденция. Многие коренные жители Севастополя и Симферополя, особенно молодежь, стремились покинуть Крым и поселиться в Москве или Санкт-Петербурге. Они ориентировались на возможности получения более высокооплачиваемой работы, более престижного образования (как высшего, так и среднего), комфортных условий жизни, в том числе связанных с цифровой инфраструктурой (электронные платежи и переводы, возможности пользоваться различными приложениями, закрытыми для Крыма).

Крупные федеральные целевые программы, реализуемые на долгосрочный период после вхождения Крыма в состав РФ, оказали положительное влияние на формирование устойчивых потоков миграции на полуостров. Часть трудовых мигрантов, привлеченных из других регионов РФ, в таких обстоятельствах приняли решение остаться в регионе на постоянное место жительства. По данным опросов это 7–15%. Дополнительно отметим, что программа развития Крыма до 2030 г. также предполагает увеличение числа мигрантов, которые останутся на полуострове¹. Хотя на данный момент излишне оптимистичным выглядит прогноз увеличения численности населения на более чем 8600 чел. к 2030 г., заявленный в программе. Сдерживающими факторами являются высокая плотность населения в наиболее экономически развитых районах и муниципалитетах и высокие цены на жилье.

Уровень социально-экономического развития региона. На сегодняшний день на крымской территории не планируется создание каких-либо новых крупных предприятий материальной сферы. В таких условиях возможности трудовой миграции с последующей сменой места постоянного жительства представляются ограниченными. На миграцию в регионе влияют особенности расселения и география Крыма в целом. В Крыму развита как городская, так и сельская сеть поселений. Важной особенностью является достаточно компактное размещение основных городов региона. Это улучшает транспортную доступность между ними и способствует активному обмену рабочей силой. В частности, компактные размеры полуострова и развитая транспортная сеть позволяют добраться из любого внутреннего населенного пункта до побережья всего лишь за один час.

Конечно, не все населенные пункты региона привлекательны для внешних мигрантов. Например, благополучный Бахчисарайский район выгодно отличается от северных и внутренних районов,

¹ Государственная программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и города Севастополя» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/827/events/> (дата обращения: 10.02.2025).

испытывающих недостаток воды и удаленных от развитых городских поселений. К примеру, в городе Красноперекопске за последние двенадцать лет население сократилось почти на 20%¹. В современных условиях пополнение сельского населения Крыма возможно лишь мигрантами, покинувшими прежнее место жительства по вынужденным обстоятельствам. В сельской местности цены на жилье значительно ниже. Особенно это касается степных районов.

Большое значение имеет *транспортная доступность* региона. После событий 2014 г. аэропорты в Симферополе и Керчи были закрыты для иностранных самолетов, запрещен заход иностранных судов в порты Крыма, прекращено железнодорожное и регулярное автобусное сообщение с территорией Украины. Все это создало ситуацию, когда Крым оказался исключен из системы международных транспортных перевозок. В условиях отсутствия сообщения с другими регионами России по суше основным транспортным хабом стала Керченская паромная переправа. Довольно быстро стали очевидны ее ограниченные возможности. Строительство Крымского моста (2018 г.), открытие постоянного железнодорожного сообщения по нему (с 2020 г.), строительство трассы «Таврида», активная реконструкция автомобильных дорог, модернизация портов Керчи, Феодосии и Ялты во многом решили эту проблему. География снабжения полуострова товарами и основные направления пассажиропотоков изменились. Сократилось время в пути от Керчи до городов Краснодарского края (по оценкам экспертов, на 3–4 часа) [3]. Появился дополнительный спрос на рабочую силу. Это отразилось на потоках межрегиональной миграции.

Заключение

Можно отметить ряд важных тенденций в изменении миграционной ситуации в Республике Крым после вхождения в состав России и до начала Специальной военной операции в 2022 г. Во-первых, в географии иммигрантов произошли изменения. Для полуострова остался характерен большой приток жизненных мигрантов, который в значительной мере компенсировал естественную убыль населения. Традиционно значимая часть мигрантов приехала на полуостров из близлежащих территорий — субъектов РФ: Краснодарского края, Курской, Брянской, Воронежской областей. Увеличилась доля населения, приезжающего на полуостров из других стран постсоветского пространства — Казахстана, Узбекистана, приток же мигрантов с Украины сократился. Новой тенденцией стало увеличение конечных мигрантов из Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга, а также северных регионов (Архангельская область, Красноярский край). Динамика увеличения доли мигрантов с материковой части России способствует интеграции региона в культурное и политическое поле влияния РФ. Во-вторых, характерной чертой стало увеличение миграционного оттока из Республики Крым, преимущественно молодежи, в крупные российские города. В-третьих, стоит отметить тенденцию возвращения крымчан, которые получили российское гражданство после распада СССР и проживали в России или за ее пределами. В-четвертых, такие факторы, как ограниченный потенциал роста уровня социально-экономического развития ряда районов, проблемы с транспортной доступностью (особенно северных и центральных районов, которые оказались изолированными вследствие проблем с Украиной), повлияли на изменение географии расселения внешних и внутренних мигрантов. Более привлекательными стали южные и юго-восточные районы, где активно развивалась транспортная инфраструктура, увеличилось количество рекреационных туристов и, как следствие, возросла потребность в трудовых ресурсах. Привлекательными как для межрегиональных, так и внутрирегиональных мигрантов стали территории с активно развивающейся инфраструктурой: Симферопольский, Красногвардейский, Ленинский и Бахчисарайский муниципальные районы и городские округа Симферополя, Ялты, Судака, Керчи, Феодосии и Евпатории. При этом прямой корреляции интереса к территориям со стоимостью недвижимости не прослеживается. В-пятых, стоит отметить увеличение потока временных мигрантов, что во многом связано с реализацией крупных федеральных целевых программ на полуострове.

¹ Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю (Крымстат) [Электронный ресурс]. URL: <https://82.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 20.02.2025).

Таким образом, в анализируемый период кардинальные изменения в геополитическом и геоэкономическом положении Республики Крым оказали значимое влияние на изменение миграционных потоков, при этом традиционные тенденции, связанные с миграционной привлекательностью территории, сохранились.

Список литературы

1. *Абылкаликов С. И., Сушко П. Е.* Роль миграций в формировании населения Крыма // Региональные исследования. 2017. № 2 (56). С. 55–62. EDN: ZDRFBN.
2. *Асеева О. Ю.* Особенности миграционных процессов Республики Крым // Известия Юго-Западного государственного университета. Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 4. С. 160–163. EDN: ТКРГТР.
3. Атлас социокультурных процессов в Крыму [Карты] / под ред. Воронина И. Н., Яковенко И. М., Швеца А. Б., Вольхина Д. А. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://atlas-crimea.ru>.
4. *Богатуров Д. С.* Трансформация этнического расселения в Республике Крым в постсоветский период // Материалы X научной Ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО). Бийск, 2019. С. 344–351. EDN: STWJUO.
5. *Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М.* Население Крыма в конце XVII — конце XX века: численность, размещение, этнический состав. М. : ИРИ РАН, 2003. 160 с. ISBN: 5-8055-0104-X.
6. *Гапизов З. Р., Харитонов Н. И.* «Крымский вопрос» и цивилизационные основы внешней политики России в условиях глобальной гибридной войны // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17, № 4. С. 112–120. EDN: JRUANJ. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-04-112-120.
7. *Гросфельд Е. В., Дихтемиров М. С.* К проблеме государственного регулирования трудовой миграции в Крыму // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. Т. 1 (67), № 4. С. 24–30. EDN: YQADGP.
8. *Гусаков Т. Ю.* Миграции населения как основной фактор трансформации системы расселения Крымского полуострова // Крестьяноведение. 2021. Т. 6, № 2. С. 99–120. EDN: XLAUDA. DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-2-99-120.
9. *Жиромская В. Б., Араловец Н. А., Белов А. В.* Население Крыма (численность, расселение, национальный, социальный, половозрастной состав) // История Крыма: в 2 т. / отв. ред. А. В. Юрасов. М. : Кучково поле, 2019. Т. 2. С. 273–91.
10. *Киселев С. Н., Петроградская А. С.* Динамика численности и расселения украинцев в Крыму, по данным всеобщих переписей населения XIX–XXI вв. // Геополитика и экогеодинамика регионов. Симферополь, 2008. Т. 4, № 1-2. С. 85–94. EDN: VLFSOF.
11. *Мамина Д. А., Мищенко Д. Н.* Этнополитические факторы внутренней миграции в Республике Крым // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9, № 4. С. 137–149. EDN: TNQKEU. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.4.11.
12. *Никифоров А. Р.* Крым в дестабилизирующейся Украине: от «оранжевой революции» до Евромайдана. 2004–2014 гг. // История Крыма: в 2 т. / отв. ред. А. В. Юрасов. М. : Кучково поле, 2019. Т. 2. С. 725–741.
13. *Ожегова Л. А., Сазонова Г. В., Сикач К. Ю.* Миграционные процессы в Республике Крым: пространственно-временная специфика и современное состояние // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2022. Т. 8 (18), № 3. С. 217–235. EDN: FFIYSL.
14. Социокультурная трансформация регионального развития Крыма / под общ. ред. И. Н. Воронина, А. Б. Швеца. Симферополь : АРИАЛ, 2022. 218 с. URL: <https://atlas-crimea.ru/wp-content/uploads/application/pdf/sociokulturnaya-transformaciya-regionalnogo-razvitiya-kryma-1.pdf>.
15. *Страшко Е. В., Шкайдерова Т. В., Намханова М. В.* Миграционные процессы в Республике Крым и г. Севастополе: тенденции и факторы // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 6. С. 46–55. EDN: AXDUAL. DOI: 10.24158/spp.2023.6.6.

16. *Суций С. Я.* Демографический потенциал и национальная структура населения Крыма: конец XX — середина XXI века // Региональная экономика. Юг России. 2018. № 4. С. 139–149. EDN: YPOZFI. DOI: 10.15688/re.volsu.2018.4.14.
17. *Швец А. Б., Сахнова Н. С., Сазонова Г. В.* Пространство миграций в современном Крыму // Материалы международного научно-исследовательского семинара «Современные миграционные процессы: состояние и основные формы». 2016. Кишинёв : Международная организация по миграции, миссия в Молдове, Миссия в Республике Молдова, 2016. С. 76–82. EDN: KUFHNS.
18. Этническая и этнополитическая карта Крыма: Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов / под ред. В. Ю. Зорина, Р. А. Старченко, В. В. Степанова. М. : ИЭА РАН, 2017. 216 с. EDN: TCMYPB.
19. *Яковенко М. Л., Кошель И. Ю.* Социальные миграции: региональный аспект // XXI Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 22–23 марта 2018 г., Екатеринбург. Екатеринбург : УрФУ, 2018. С. 441–448.
20. *Burke J., Panina-Burke S.* The Reunification of Crimea and the City of Sevastopol with the Russian Federation // Russian Law Journal. 2017. Vol. 5, No. 3. P. 29–68. EDN: ZEUVJF. DOI: 10.17589/2309-8678-2017-5-3-29-68.
21. *Aydin F. T., Sahin F. K.* The Politics of Recognition of Crimean Tatar Collective Rights in the post-Soviet Period: With Special Attention to the Russian Annexation of Crimea // Communist and Post-Communist Studies. March 2019. Vol. 52, No. 1. P. 39–50. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2019.02.003.
22. *Knott E.* Quasi-Citizenship as a Category of Practice: Analyzing Engagement with Russia's Compatriot Policy in Crimea // Citizenship Studies. January 2017. Vol. 21, No. 1. P. 116–135. DOI: 10.1080/13621025.2016.1252714.
23. *Rabinovych M., Pintsch A.* From the 2014 Annexation of Crimea to the 2022 Russian War on Ukraine: Path Dependence and Socialization in the EU — Ukraine Relations // Journal of Common Market Studies. 2024. Vol. 62. No. 5. P. 1239–1259. DOI: 10.1111/jcms.13572.
24. *Wiśniewski R.* Ethnic Changes in Crimea from Its Incorporation into the Russian Empire to the Annexation by the Russian Federation (1783–2014) // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2016. Vol. 7, No. 2. P. 73–87. URL: https://uw.edu.pl/cbew/2016_7_2/Wisniewski-R.pdf. (На польском яз.).
25. *Wrighton S.* Authoritarian Regime Stabilization through Legitimation, Popular co-optation, and Exclusion: Russian Pasportizatsiya Strategies in Crimea // Globalizations. 23 February 2018. Vol. 15, No. 2. P. 283–300. DOI: 10.1080/14747731.2017.1396798.
26. *Zimin D.* Voting Behaviour of Crimean Tatars 2012–2018: For or Against Russia? // Southeast European and Black Sea Studies. 17 May 2019. Vol. 19, No. 2. P. 293–313. DOI: 10.1080/14683857.2019.1617944.

Об авторах:

Михеева Наталия Михайловна, доцент кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета; доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений и политических исследований Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент;
e-mail: n.miheeva@spbu.ru; ORCID: 0000-0003-4266-1926

Богатуров Дмитрий Сергеевич, старший преподаватель кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат географических наук;
e-mail: bogaturov@mail.ru

References

1. Abylkalikov, S. I., Sushko, P. E. The Role of Migration in the Formation of the Population of Crimea // Regional Research. 2017. No. 2 (56). P. 55–62. (In Russ.). EDN: ZDRFBN.
2. Aseeva, O. Yu. The Main Directions of the Migration Process on the Territory of the Republic of Crimea // Proceedings of the Southwest State University. Series: Economy. Sociology. Management. 2014. No. 4. P. 160–163. (In Russ.). EDN: TKPGTP.
3. Atlas of Socio-Cultural Processes in the Crimea [Maps] / ed. by I. N. Voronin, I. M. Yakovenko, A. B. Shvets, D. A. Volkhin. Simferopol : V. I. Vernadsky KFU, 2020. URL: <https://atlas-crimea.ru> (In Russ.).
4. Bogaturov, D. S. Transfer of Ethnic Settlement in the Republic of Crimea in the Post-Soviet Period // X Scientific Assembly of the Association of Russian Geographers-Social Scientists (ARGO). Biysk, 2019. P. 344–351. EDN: STWJUO. (In Russ.).
5. Vodarsky, Y. E., Eliseeva, O. I., Kabuzan, V. M. Population of Crimea at the End of the XVII — the End of the XX Century: Number, Placement, Ethnic Composition. Moscow, IRI RAN Publ., 2003. 160 p. ISBN: 5-8055-0104-X. (In Russ.).
6. Gapizov, Z. R., Kharitonova, N. I. “The Crimean Question” and the Civilizational Foundations of Russia’s Foreign Policy in the Context of the Global Hybrid War // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17, No. 4. P. 112–120. (In Russ.). DOI: 10.22394/2073-2929-2023-04-112-120.
7. Grosfeld, E. V., Dikhtemirov, M. S. On the Problem of State Regulation of Labor Migration in the Crimea // Philosophy. Political Science. Culturology. 2015. Vol. 1 (67), No. 4. P. 24–30. (In Russ.). EDN: YQADGP.
8. Gusakov, T. Yu. Migrations as the Main Factor in the Transformation of the Settlement System of the Crimean Peninsula // Russian Peasant Studies. 2021. Vol. 6, No. 2. P. 99–120. (In Russ.). EDN: XLAUDA. DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-2-99-120.
9. Zhiromskaya, V. B., Aralovets, N. A., Belov, A. V. Population of the Crimea (Number, Settlement, National, Social, Sex-Age Composition) // History of the Crimea: in 2 vols. Ed. by A. V. Yurasov. Moscow : Kuchkovo Pole, 2019. Vol. 2. P. 273–291. (In Russ.).
10. Kiselev, S. N., Petrogradskaya, A. S. A Dynamics of Quantity and Settling Apart of Ukrainians in Crimea, from data of Universal Censuses of population XIX–XXI centuries // Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions. Simferopol, 2008. Vol. 4, No. 1-2. P. 85–94. (In Russ.). EDN: VLF5OF.
11. Mamina, D. A., Mishchenko, D. N. Ethnopolitical Factors of Internal Migration in the Republic of Crimea // Humanities of the South of Russia. 2020. Vol. 9. No. 4. P. 137–149. (In Russ.). EDN: TNQKEU. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.4.11.
12. Nikiforov, A. R. Crimea in Destabilizing Ukraine: From the “Orange Revolution” to Euromaidan. 2004–2014 // History of Crimea : in 2 vol. / ed. by A. V. Yurasov. Moscow : Kuchkovo Pole, 2019. Vol. 2. P. 725–741. (In Russ.).
13. Ozhegova, L. A., Sazonova, G. V., Sikach, K. Y. Migration Processes in the Republic of Crimea: Spatial and Temporal specifics and Current State // Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions. 2022. Vol. 8 (18), No. 3. P. 217–235. (In Russ.). EDN: FFIYSL.
14. Sociocultural Transformation of Regional Development of Crimea / ed. by I. N. Voronin, A. B. Shvets. Simferopol : ARIAL, 2022. 218 p. URL: <https://atlas-crimea.ru/wp-content/uploads/application/pdf/sociokulturnaya-transformatsiya-regionalnogo-razvitiya-kryma-1.pdf> (In Russ.).
15. Strashko, E. V., Shkayderova, T. V., Namkhanova, M. V. Migration Processes in the Republic of Crimea and the City of Sevastopol: Trends and Factors // Society: Sociology, Psychology, Pedagogics. 2023. No. 6. P. 46–55. (In Russ.). EDN: AXDUAL. DOI: 10.24158/spp.2023.6.6.
16. Sushchiy, S. Ya. Demographic Potential and National Structure of the Crimean Population: End of the XX — the Middle of the XXI Century // Regional Economy. South of Russia. 2018. No. 4. P. 139–149. (In Russ.). EDN: YPOZFJ. DOI: 10.15688/re.volsu.2018.4.14.
17. Shvets, A. B., Sakhnova, N. S., Sazonova, G. V. Migration Space in Modern Crimea // Proceedings of the international research seminar “Modern Migration Processes: Status and MAIN Forms”. 2016. Chisinau : International Organization for Migration, Mission to Moldova, 2016. P. 76–82. (In Russ.). EDN: KUFHHS.

18. Ethnic and Ethno-Political Map of Crimea: Organization of Monitoring and Early Warning of Ethnic and Religious Conflicts / ed. by V. Yu. Zorin, R. A. Starchenko, V. V. Stepanov. Moscow : IEA RAS, 2017. 216 p. (In Russ.). EDN: TCMYPB.
19. Yakovenko, M. L., Koshel, I. Y. Social Migrations: The Regional Aspect // XXI International Conference in Memory of Professor L. N. Kogan "Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research", March 22–23, 2018, Yekaterinburg. Yekaterinburg : UrFU, 2018. P. 441–448. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/59116/1/978-5-91256-403-1_2018_047.pdf (In Russ.).
20. Burke, J., Panina-Burke, S. The Reunification of Crimea and the City of Sevastopol with the Russian Federation // Russian Law Journal. 2017. Vol. 5, No. 3. P. 29–68. EDN: ZEUVF. DOI: 10.17589/2309-8678-2017-5-3-29-68.
21. Aydin, F. T., Sahin, F. K The Politics of Recognition of Crimean Tatar Collective Rights in the Post-Soviet Period: With Special Attention to the Russian Annexation of Crimea // Communist and Post-Communist Studies. March 2019. Vol. 52, No. 1. P. 39–50. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2019.02.003.
22. Knott, E. Quasi-citizenship as a category of practice: analyzing engagement with Russia's Compatriot policy in Crimea // Citizenship Studies. January 2017. Vol. 21, No. 1. P. 116–135. DOI: 10.1080/13621025.2016.1252714.
23. Rabinovych, M., Pintsch, A. From the 2014 Annexation of Crimea to the 2022 Russian War on Ukraine: Path Dependence and Socialization in the EU — Ukraine Relations // Journal of Common Market Studies. 2024. Vol. 62, No. 5. P. 1239–1259. DOI: 10.1111/jcms.13572.
24. Wiśniewski, R. Ethnic Changes in Crimea. From Its Incorporation into the Russian Empire to the Annexation by the Russian Federation (1783–2014) // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2016. Vol. 7, No. 2. P. 73–87. URL: https://uwm.edu.pl/cbew/2016_7_2/Wisniewski-R.pdf (In Polish).
25. Wrighton, S. Authoritarian Regime Stabilization through Legitimation, Popular co-optation, and Exclusion: Russian Pasportizatsiya Strategies in Crimea // Globalizations. 23 February 2018. Vol. 15, No. 2. P. 283–300. DOI: 10.1080/14747731.2017.1396798.
26. Zimin, D. Voting Behaviour of Crimean Tatars 2012–2018: For or Against Russia? // Southeast European and Black Sea Studies. 17 May 2019. Vol. 19, No. 2. P. 293–313. DOI: 10.1080/14683857.2019.1617944.

About the authors:

Natalia M. Mikheeva, Associate Professor of the Department of Regional Politics and Political Geography of the Institute of Earth Sciences of St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia); Associate Professor of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations and Political Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russia), PhD in Political Science;
e-mail: n.miheeva@spbu.ru; ORCID: 0000-0003-4266-1926

Dmitry S. Bogaturov, Senior Lecturer, Department of Regional Politics and Political Geography, Institute of Earth Sciences, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), PhD in Geography Science;
e-mail: bogaturov@mail.ru